

Воспоминания ветерана пешего егерского батальона

Крымская кампания Свидетельство очевидца

<...> Наша дивизия без осложнений высадилась в Бальчике в старом форте, 15-го сентября, в то время, как противник ожидал нас у Альмы, Качи и у Бельбека. На следующий день, выслав разведку вперед, мы направились к реке Альме; 17-го сентября мы спустились в долину, которую пересекал ручей. Остановив колонну, часовые, выстроившись по берегам ручья, перекрыли доступ к воде солдатам, потным от долгого марша и страдающим от жесточайшей жажды. Через четверть часа запрет был снят, и все смогли утолить жажду. Привал затянулся, многие смогли даже приготовить себе кофе. Полчаса спустя мы уже шли вдоль виноградника, полного зрелых плодов белого винограда; солдатам было дано разрешение полакомиться ягодами; мой каптенармус принес мне несколько громадных гроздей, коих я сравнил с ягодами Ханаана. Я наелся до расстройства желудка. Впрочем, это виноградолечение смогло уберечь меня от холеры, уже унесшей к тому времени много жизней. <...>

19-го вечером моя рота перешла в подчинение офицеру, ответственному за снабжение продовольствием; на 24 часа я был отлучен от своего батальона и поставлен эскортировать стадо. На следующий день 20-го сентября около одиннадцати мы остановились на обед. Через час, все еще обедая, мы услышали стрельбу и величественные раскаты пушек. На расстоянии километра я различил зуавов из дивизии Боске, идущих вдоль скалистого берега моря; они достигли вершины, и вскоре ценой неимоверных усилий к ним присоединилась артиллерия. Начиналась битва. Ниже я цитирую отрывок, в котором барон Базанкур очень эмоционально описывает трудности, с которыми столкнулись артиллеристы: «Передвижение наших орудий по этой крутой разбитой тропе, без всякого сомнения, было на пределе возможного; однако сомнению не было места: любой ценой надо было подняться. Пехотинцы, укрепившиеся на вершине, ведут достаточно интенсивный огонь, удерживающий противника; командующий Барраль, прибывший вслед за Боске, лично командует своими батареями. Если лошади пойдут шагом, повозки неизбежно сорвутся в овраг, так как дорога во многих местах имеет широкие и глубокие ямы, сделанные дождевыми потоками. Итак, прислуга группируется у колес, чтобы их поддержать в случае, если почва начнет проваливаться; другие стоят с саблями рядом с лошадьми, чтобы подгонять животных, если они перейдут на шаг. После сигнала все галопом устремляются вверх; лошади и люди смешиваются в отчаянном порыве; земля проседает со всех сторон, отскакивают камни; прислуга внимательно следит за бороздами на земле; иногда у лошадей дрожат и содрогаются колени; но ничто не может остановить или замедлить движение. И вот генерал Боске радостно восклицает при виде того, как первые орудия достигают вершины.

Командующий Барраль и капитан Фьев, командир 1-ой батареи, двигаются во главе колонны.<...> Как только орудие освобождается от своего передка, оно сразу же

открывает огонь, не дожидаясь прибытия других. Именно французская артиллерия произвела первый выстрел в этот памятный день!»

И именно маневру дивизии Боске, в основном, мы обязаны своим успехом в этот день. Говорят, что князь Меншиков, командующий русской армией, пригласил севастопольских дам полюбоваться на то, как союзники будут скинуты в море.

Так как все, что выходит из под пера Базанкура, намного талантливее моих усилий, я позволю себе позаимствовать у него еще один эпизод, описывающий окончание битвы:

«Русская армия отступала. Две наших батареи резерва, стоящие на гребне холма в той стороне, откуда англичане атаковали правый фланг русских, выдвинулись вперед с целью противостоять вероятным атакам кавалерии, прикрывавшей отступление русских войск. Командир батареи Бусиньер увидел, как на расстоянии в 600 метров от него появился экипаж, ведомый тремя лошадьми, несущимися во весь опор на батарею. Как только русские заметили французских артиллеристов, экипаж поменял направление, но Бусиньер вместе с прислугой из 20 человек начал преследование. Ему удалось настичь экипаж в 100 метрах от позиций русских эскадронов. Артиллеристы доставили пятерых человек и содержимое экипажа в главный штаб. Экипаж принадлежал князю Меншикову и содержал важные документы».

Битва закончилась в 5 часов 30 минут. 39-ый батальон пострадал относительно мало; он потерял только одного офицера, младшего лейтенанта Пуадевэна, погибшего от прямого попадания снаряда в тот момент, когда он взбирался на телеграф, чтобы водрузить там знамя.

Выходец из Монаржиса, где позднее земляки воздвигли ему памятник, Пуадевэн был высокого роста. Он обладал недюженной силой; незадолго до своей гибели он говорил нам, что было бы неплохо оставить его один на один с императором Николаем и решить судьбу войны в поединке между ними.

Будучи занятым в охране стада, я не участвовал в первой схватке.<...> Вечером после Альминского сражения мне посчастливилось воздать почести маршалу де Сэнт-Арно, проезжавшему мимо моего поста со своей блестящей свитой. Я даже представить себе не мог, что видел его в последний раз!

Этим же вечером один солдат передал мне, что какой-то офицер просит меня навестить его в госпитале. Я поспешил туда и увидел своего доброго друга лейтенанта Париса; он получил очень болезненное ранение в руку; я угостил его абсентом, сильно разбавленным водой; уходя, я оставил ему плащ с капюшоном, так как его одеяло показалось мне недостаточно теплым. На следующий день, переслав мне плащ назад, мой друг сообщил, что его переправляют в Константинополь. Затем, получив отпуск для выздоровления, он оказался во Франции, после чего, полностью оправившись от ранения, он вернулся в Севастополь. Можно сказать, что мой друг получил «счастливое» ранение, по случаю которого ему было присвоено звание капитана; 18 месяцев спустя, служа в гарнизоне Парижа, он был награжден крестом Кавалера Почетного Легиона; семь лет спустя в 1863 году он стал командиром батальона.

В следующие после Альминского сражения два дня наш лагерь был разбит именно на поле битвы. Вскоре 2-ая армия двинулась в путь. Во главе колонны шла наша дивизия. Сначала мы пересекли гористую местность, затем вышли на равнину, пугая зайцев, разбегающихся в разные стороны. Солдатам удалось поймать несколько длинноухих. Один из гренадеров моего батальона преподнес такого зайца своему капитану.

Со всех сторон тянулись деревенские домики с садами. Когда мы стали на привал, лейтенант Генэн взял меня в экспедицию по огородам; нас сопровождали ординарцы с мешками. Мы совершили налет на капусту, морковь и прочие овощи, коим, сидя за столом, наши товарищи по оружию были очень рады.

25-го сентября, терзаемый холерой, чувствуя приближение смерти, маршал Арно вызвал генерала Канробера, своего преемника, и передал ему командование французскими войсками. В своем последнем приказе он попрощался с армией: «Ваш командующий, побежденный коварной болезнью, <...> вынужден отказаться от тяжелого бремени командования. <...> Солдаты, пожалейте меня <...>»

Экипаж, захваченный у Меншикова, перевез маршала в Балаклаву на судно «Бертолле», которое вывезло его во Францию. Позже мы прочли о том, что маршал скончался по пути домой 29 сентября в 4 часа вечера в присутствии своего духовника аббата Парабера.

26-го сентября французская армия располагалась на равнине у реки Черной; 27-го наша четвертая дивизия направилась к Байдарской долине, а 29-го, делая частые привалы, мы уже шли по направлению к Херсонесскому мысу. Несмотря на двадцать часов марша, мы продвинулись совсем ненамного.

И, хотя майор-аджудан несколько раз предоставлял в мое распоряжение своего коня, добравшись до плато, где мы должны были заночевать, я оказался на пределе своих сил.

В течение всего этого долгого дня мы были лишены питьевой воды и питались только одними галетами. Я растянулся на земле, ожидая прибытия арьергарда с мулом, несущим мою палатку. Установив эту палатку, мой денщик перенес меня туда; затем этот храбрый и преданный юноша занялся поисками бодрящего напитка. Повсюду колодцы были отравлены сброшенными туда трупами, но мой денщик сумел обнаружить источник чистой воды, и вскоре он уже будил меня с чашкой чая в руке. «Старики» прозвали этот бивуак «лагерем Жажды».

На следующий день мы разбили лагерь между бухтами Стрелецкой и Камышовой, расположившись напротив Севастополя. Это было начало осады города. Генерал Форэй возглавил осадный корпус; генерал Боске встал во главе корпуса наблюдения, призванного обеспечить защиту осадной армии от возможной атаки русских войск из глубины Крыма.

Англичане расположились справа от нас. Их левый фланг упирался в Большую севастопольскую балку, разделяющую направления атак французских и английских войск. Англичанам поручались атаки с правого фланга, французам — с левого.

Наша дивизия располагалась напротив центрального Мачтового бастиона и Генуэзского форта. 7-го октября в шесть часов вечера колонна русских приблизилась к нам с целью разведки наших позиций и хода инженерных работ. Моя рота стрелков прикрывала полк, расположенный в 150-ти метрах позади нас; дав указания, полковник уверил меня в том, что в случае атаки он не оставит нас без поддержки. Надвигалась темная ночь; мои люди притаились за остатками разрушенных стен из сухого камня. Я настойчиво советовал не открывать огня до сигнала, который должна была подать группа стрелков, расположенная в центре рядом со мной. Заметив противника на расстоянии около 80-ти метров, несколько стрелков справа, несмотря на мои указания, открыли огонь.

Русские перед тем, как отойти, ответили мощным залпом, ранив двух моих людей. Если бы все в точности следовало моим указаниям, мы бы подпустили противника поближе и наш залп уничтожил бы многих русских... В связи с темнотой эта стычка не имела продолжения.

Полковник потребовал от меня рапорта об этом деле и, хотя единственным положительным результатом стычки явился отход противника на прежние позиции, я был представлен к награде, которую получил шесть месяцев спустя в виде турецкого ордена Меджидие. Сержант Жибер, отмеченный мною в рапорте, получил звание младшего лейтенанта; этот младший офицер прибыл на войну добровольцем, будучи уже Кава-

лером ордена Почетного Легиона. В дни июльской революции 1848 года он занял место заболевшего отца на стороне Национальной гвардии и отличился в деле.

12-го октября полковник, посетив мою огневую точку, расположенную неподалеку от лагеря, сообщив мне, что капитан Гизольф болен холерой и, в связи с моей просьбой, разрешил мне отлучиться, чтобы навестить больного, который всегда по отношению ко мне был очень благожелателен. Капитан указал мне на посылку, присланную его женой и содержащую разные вина, ликеры и провизию. Он выразил опасение, что не сможет воспользоваться содержимым посылки. Это напомнило мне случай с моим несчастным товарищем Гери. На следующий день я узнал о кончине невезучего капитана Гизольфа. Определенно, буква «Г» является мишенью для страшного холерного бича.

Октябрь оказался очень тяжелым месяцем; 9 дней подряд я провел без отдыха; каждый раз после смены караула в траншеях я заступал на дежурство по осуществлению инженерных работ. Впрочем, однажды, зайдя в палатку к 5-ти часам, я был приятно удивлен: наш повар пригласил на ужин от моего имени лейтенанта Дюфая. Я терялся в догадках, что же он подаст нам к столу; ведь уже долгое время мы сидели на походном рационе: сало, галеты и вода. И вот я увидел свежий солдатский пайковый хлеб, вино, мясной суп; я также был очень заинтригован появлением кастрюли, не догадываясь о ее содержимом. На самом деле, отправившись за водой, наш повар хитрец обнаружил в винограднике «келью» крупного зайца; оставив бидоны на земле, он сбегал в лагерь, взял мое ружье и вернулся назад к «капуцину». Подстрелив зайца, повар приготовил нам из него великолепное рагу.

После роскошного пира мы сели играть в вист, но вылазка русских заставила нас выдвинуться на позиции, где мы всю ночь прождали сигнала к оказанию помощи нашим сражающимся товарищам. В конечном итоге, противник был отброшен без нашей поддержки.

Вскоре я потерял своего хорошего друга младшего лейтенанта Ламбера. Сменив меня накануне на посту в траншеях, он пожал мне руку, сказав при этом: «До завтра, я зайду к тебе на чашку чая. Сыграем в вист».

Утром противник, воспользовавшись густым туманом, совершил вылазку. Храбрый Ламбер был убит на своем посту.

Следующей ночью мне было поручено артиллерийской службой руководить работами по восстановлению серьезно поврежденных оружейных окопов. Молодой лейтенант Гегер командовал подразделением по сбору убитых; именно он обнаружил тело нашего товарища и позвал меня посмотреть на него: бесстрашный юноша лежал на спине со спокойным лицом. На его мундире в районе сердца виднелось пулевое отверстие. <...>

Той же ночью, после обнаружения тела Ламбера, проходя вдоль траншеи, я наткнулся на раненого русского солдата, заваленного другими трупами; несчастный опасался, что с ним сделают что-нибудь плохое; в мольбе протянул он руки в мою сторону. Я успокоил его, угостив водкой из своей фляги. Он поблагодарил меня, сказав: «Боно франсис!»

В начале ноября, проведя часть ночи на посту в траншее и передав дежурство моему младшему лейтенанту, я мирно заснул, сидя на вещевом мешке. Внезапно я был разбужен топотом ног моих солдат, убегающих от бомбы с зажженным фитилем, упавшей в траншею и катившейся к моим ногам. Одним рывком я выпрыгнул наверх, упал на живот и стал ждать того, что должно было случиться.

После минуты ожидания смертельный снаряд, остановившийся внизу в двух шагах от меня, взорвался. Выйдя из убежища, расположенного в узком проходе перпендикулярно траншее, и, увидев меня лежащим на земле, солдаты закричали:

«Лейтенанту — крышка!»

Вещмешок, на котором я только что отдыхал, был разрублен наполовину, полдюжины ружей, оставленных егерями, разнесло в щепки.

5-го ноября наша армия понесла тяжелую утрату: молодой блистательный генерал де Лурме, отбивая атаку осажденных, был тяжело ранен в грудь; он был вынужден покинуть поле боя. Я находился рядом, когда ему помогли слезть с коня; гранадеры моего батальона унесли его на покрывале. Два дня спустя он скончался. Это был первый генерал французской армии, убитый неприятелем с самого начала кампании. Ему едва исполнилось 43 года.

11 ноября, неожиданно пораженный острым приступом ревматизма, я был вынужден покинуть свою роту. Спустя два дня ветер снес мою палатку. Меня выбросило с кровати, и я, не имея возможности пошевелиться, оказался на мокрой земле. Страшная буря длилась 48 часов и причинила нам больший вред, нежели огонь вражеских батарей. Ужасная драма разыгралась на рейде в Камышовой бухте. Наши корабли, наталкиваясь друг на друга, шли ко дну.

Наконец, 15-го ноября море успокоилось, опасность миновала.

Что касается меня, то военврач поместил меня в госпиталь. Там я был очень рад попасть в руки бывшего соученика по колледжу из Вердена доктора Вержюса. Он уступил мне свою кровать, а на следующий день мул доставил меня в Камышовую бухту. Оттуда я отплыл в Константинополь. <...>

Назад в Севастополь я вернулся в первых числах мая и вновь стал командовать своей ротой.

15-го мая мне вручили орден Меджидие, к которому я был представлен в начале кампании. Один из моих товарищей капитан-аджудан Гремийе был награжден таким же орденом вместе со мной; мы пригласили нескольких друзей на праздничный ужин. <...>

Генерал Канробер, преемник Сент-Арно, в течение мая месяца неоднократно обращался к императору с просьбой освободить его от командования армией и назначить простым дивизионным генералом. Он объяснял свою просьбу отсутствием взаимопонимания с лордом Рагланом, главнокомандующим английской армией.

16 мая военный министр телеграфировал ему согласие императора на отставку с выражением благодарности за желание генерала остаться в армии. Впрочем, ему предписывалось принять командование над армейским корпусом Пелисье, назначенного главнокомандующим на место Канробера.

Несмотря на уговоры Пелисье, Канробер настоял на своем и остался простым дивизионным генералом. Этот человек сочетал в себе безграничную отвагу и чрезвычайную скромность. Император по достоинству оценил эти редкие качества великого полководца. Он признал правоту последнего и несколько месяцев спустя после взятия Севастополя по возвращении генерала во Францию, он присвоил Канроберу звание маршала.

Хотя окопная служба всегда тяжела, а огонь противника ежедневно приводит все к новым и новым жертвам, все сейчас было намного легче, чем зимой. Частенько случалось, что в минуты затишья мы развлекались партией в вист. Однажды, прервав игру на обед, выпив кофе, я обратился к одному из игроков капитану Дюфайю: «Ваша очередь открыть свои карты».* Он ответил, что это не к спеху и, что у нас еще есть время раскурить трубку. Дюфай был представлен к званию капитана в конце апреля тем же приказом, что и Астэкс, из того же 39-го батальона; но в военное время существует только одна капитанская вакансия для батальона. Полковник держал при себе обоих кандидатов в ожидании приказа из Министерства об отзыве одного из кандидатов во Францию.

* Игра слов. Это выражение можно также перевести как «притвориться мертвым». (Прим. переводчика)

Получив накануне приказ об отзыве Дюфая, полковник, все же рассчитывающий убедить Министерство оставить при нем этого офицера, предложил тому временно задержаться и заменить отсутствующего капитана в одной из рот.

Слегка попыхивая трубкой, Дюфай признался мне в том, что согласился, скрепя сердцем, на это предложение. Получив еще в самом начале кампании награду Почетного Легиона и, став капитаном, ему не было больше к чему стремиться. Сделав такую удачную карьеру, он предпочел бы вернуться во Францию. Дюфай спросил у меня, верю ли я в возможность скорейшего заключения мира.

Русские не замедлили ответить ему на этот вопрос. В тот момент мы, четверо офицеров, сидели в траншее рядом друг с другом спиной к городу. Три ядра один за другим с небольшим интервалом пролетели в нашем направлении; срезав гребень бруствера, они засыпали нас пылью. Затем еще три бомбы среднего калибра пролетели над нашими головами, вроде бы не причинив нам никакого вреда. Но третья бомба взорвалась в воздухе еще до того, как достигла земли. В этот момент младший лейтенант Гайар, сидевший слева от меня, вскрикнул; я спросил у него, что случилось; он оказался ранен в ногу. Повернувшись к Дюфаю, сидевшему справа, я с ужасом увидел его лицо с красной полосой посередине от макушки до подбородка: несчастный был убит на месте. Что касается меня, то я почувствовал как бы булавочные уколы на своем лице, залитом кровью; во время взрыва моя голова соприкасалась с головой Дюфая. Кроме того, маленький осколок пробил сапог, ранив меня ниже колена. Зря я тогда документально не зарегистрировал эти, хотя и легкие, ранения: упоминание об этом в моей служебной характеристике могло бы способствовать моему продвижению по службе.

Позже мне, кажется, удалось объяснить себе, каким образом осажденные, не имея возможности видеть то, что происходит в наших траншеях, сумели точно направить серию снарядов в группу офицеров: им был подан какой-то сигнал с наших позиций. Я вспомнил, что за несколько дней до этого заметил странно одетого незнакомца, сидевшего поверху траншеи. Несмотря на то, что при моем появлении он отвернул от меня лицо, мне показалось, что я узнал в нем одного бывшего офицера пешего егерского подразделения, с которым я встречался в Лионе. В то время этот, погрязший в долгах офицер, ни в чем себе не отказывал; под предлогом своей женитьбы он занял у ювелира драгоценности и продал их, не вернув деньги. Этот мерзкий поступок явился причиной его увольнения. Один из друзей, которому я сообщил о своих подозрениях относительно личности незнакомца, сказал мне, что я не ошибся. Обладая знанием русского языка, этот человек получил место переводчика и носил соответствующую униформу.

Несколько месяцев спустя, проводя разведку в Байдарской долине, генерал Дэкан, которого я сопровождал в качестве его офицера-ординарца, был вызван к дивизионному генералу. Он назначался председателем трибунала, судившего какого-то человека по обвинению в предательстве. Этот человек был признан виновным и расстрелян на месте; суд и приведение в действие приговора заняли всего полчаса. Судя по тому, что рассказал мне генерал, я понял, что речь шла о переводчике, бывшем офицере подразделения пеших егерей. С тех пор я больше ничего не слышал об этом несчастном.

Экспедиция в Керчь

25-го мая 39-ый, призванный для участия в Керченской экспедиции, погрузился на корабли в Камышовой бухте. Всю ночь, стоя еще на рейде, мы слышали звуки

стрельбы и грохот пушек, что говорило о серьезном столкновении. Генерал де Саль, командующий Первым армейским корпусом, получил приказ разрушить оборонительные сооружения справа от Центрального и Мачтового бастионов. <...> После ночи ожесточенного противоборства сторон бой угас, а затем, к вечеру, возобновился вновь. В конечном итоге, наши войска захватили эти оборонительные сооружения, обратив их против тех, кто построил все это.

Днем 25-го по просьбе генерала Остенсакена было заключено перемирие с целью захоронения убитых. Мы передали противнику более 1200 трупов. Во время нескольких часов перемирия русские офицеры дружелюбно беседовали с французами. Один из моих друзей, получивший в конце такой встречи визитную карточку собеседника, прочел на ней имя Тотлебена, выдающегося организатора оборонительных работ русских.

Об этих всех деталях мы узнали уже потом по возвращении из Керчи.

Итак, утром 24-го мая экспедиционный корпус беспрепятственно высадился в маленькой бухте Азовского моря. В 3 часа 30 минут мы уже все были на земле. 25-го ранним утром наша маленькая армия прошла возле Керчи и расположилась в маленьком городке Еникале. Мой сводный полк разбил лагерь в открытом поле. Какой контраст с окрестностями Севастополя, где не было и намека на растительность и где мы ступали только по железу, ядрам, картечным пулям, осколкам от бомб и снарядов, не говоря уже о мусоре и нечистотах вокруг лагерей. На равнине Еникале мы дышали чистейшим воздухом, с наслаждением погружаясь в мягкую траву.

Я захватил с собой свое охотничье ружье; проходя вблизи Керчи, мой командир батальона указал мне на стайку голубей, по которым я незамедлительно дал два залпа. Расстояние не было большим, и я надеялся подбить сразу несколько птиц. Но, видимо, порох был низкого качества и убитым оказался лишь один голубь.

В те моменты, когда это позволяла служба, я уходил в поля и за несколько часов подбивал от 12 до 15 шикарных ласточек; однажды я зашел в заброшенный деревенский дом с садом. По возвращении у нас на столе было и жаркое, и салат. Впрочем, за это время, вероятно, из-за отсутствия охотничьей собаки мне ни разу не удалось повстречать настоящую дичь.

Все же я подбил еще несколько красивых птиц ростом с певчего дрозда. У них было яркое оперение голубого и красного оттенков; мясо их было очень нежным, и когда они планировали над развалинами стен, то и попадать в них было очень легко. Один мой товарищ предположил, что это американские осоеды. Я угостил этим мясом одного капитана аджюдана, прикомандированного к штабу. А один подполковник однажды заявил мне, что я совершаю акт вандализма, убивая этих красивых птиц. Тогда я спросил его, каковы они в жареном виде на вкус. Он ответил: «Просто восхитительные». <...>

У меня остались прекрасные воспоминания о Керченской экспедиции, настоящих каникулах, предоставивших нам несколько недель тишины и покоя.

15-го июня 39-ый возвратился в Камышовую бухту. Вместо того, чтобы занять свое обычное место на левом фланге, нас направили на правый для участия в штурме Малахова кургана.

Вечером 17-го июня 39-ый занял свои позиции в траншеях; генерал Пелисье, находящийся на Ланкастерской батарее, должен был оттуда подать сигнал к атаке с помощью особого набора сигнальных ракет. В 3 часа утра три бомбы, выпущенные с батареи Брансион, были приняты за сигнал к атаке, и во многих местах войска вышли из траншей. Лейтенанту Гегэну, приблизившемуся к амбразуре-выходу, ядром перебило ногу; через эту амбразуру можно было выйти только по-одному; мне повезло, и вскоре я и еще двенадцать человек оказались снаружи. <...> Через некоторое время ко

мне присоединились остатки роты. Мы остановились, ожидая дальнейших указаний. Нас обстреливала флотская артиллерия. Капитан Морель, стоящий в нескольких шагах от меня, подошел и посоветовал мне покурить, что придаст уверенности моим людям. Закурив сигару, показавшуюся мне очень крепкой, я уже собирался выкинуть ее и взять другую, когда один молодой солдат, племянник капитана Астэкса, попросил отдать эту сигару ему; он подошел, чтобы вновь ее раскурить, наклонил голову ко мне, и в этот момент картечная пуля сразила его на месте, попав ему в правый висок.

Я носил с собой несколько сот франков на текущие ротные расходы. Учитывая большую опасность, я предупредил своих людей, что в случае моей смерти они должны взять сумку с деньгами, предназначенными им.

Час спустя, выдвинувшись вперед, моя рота оказалась в изоляции; подполковник барон Николя-Николя из 50-го полка, отрезанный от своих солдат, в порыве куража предложил мне продолжить атаку. Не считая себя вправе что-либо предпринимать без приказа своего непосредственного начальства, я послал за инструкциями к полковнику. Последний передал мне указание прибыть к нему в укрытие, расположенное в овраге. Оказавшись в этом месте, я увидел несколько убитых и среди них юного сержанта Нуаро.

Предложение подполковника 50-го полка привело бы нас всех к бессмысленной гибели.

Остаток дня мы провели на том же месте; снаряды с двух батарей противника перекрещивались над нашими головами, не причиняя нам никакого вреда. К 7-ми часам вечера наш полк вновь собрался вместе. <...> К сожалению, многие храбрецы, заснув последним сном, остались лежать на поле битвы; они уже не откликнутся во время переклички.

В 8 часов вечера, к моему глубокому удовлетворению, полковник пригласил меня на ужин; начиная еще с предыдущего вечера, у меня не было ни крошки во рту; поэтому я воздал должное еде, в особенности нежному паштету из тетеревов. После этого лукуллова пира я вместе с еще двумя ротами занял огневую точку; в связи с отсутствием среди нас капитана, учитывая мой большой стаж в чине лейтенанта, общее командование перешло ко мне. Мы находились на краю правого фланга наших позиций в траншеях, захваченных у неприятеля; я должен был следить, чтобы нас не обошли.

Ночью несколько человек, которым показалось, что неприятель наступает, открыли огонь; поднявшись на бруствер, я заметил, что пальба была беспричинной, и приказал прекратить огонь. Однако, артиллерия Малахова кургана уже ответила нам.

У моих ног упал один из лучших моих друзей лейтенант Беснар. В тот момент я не мог заняться им, а позже, когда затишье было восстановлено, я спросил о нем; никто не смог мне дать точного ответа. На следующий день один горнист, сопровождавший лейтенанта в госпиталь, сказал, что тот был ранен в голову осколком снаряда. Впрочем, мой друг быстро поправился и вскоре вновь вернулся на свое место.

19-го июня, ближе к полудню, мы возвратились в свой лагерь, очень счастливые от того, что остались живы. Ведь в этом штурме французская армия потеряла более 3000 воинов. Мои товарищи Ру и Гремийе предложили отпраздновать наше возвращение за бокалом пива. У маркитанток пива не оказалось. Тогда я усадил своего денщика на коня и направил его в лагерь гренадеров императорской гвардии с запиской к моему другу капитану де Бэнвилю. Посланец вернулся с чудесным, хотя и несколько дорогим пивом.

На следующий день, сопровождая наряд по раздаче мяса, я был печально удручен видом ям, в которых прямо в одежде сбрасывались сотни убитых. Каждый слой трупов покрывался негашеной известью.

Кроме лейтенанта Гегэна, не пережившего ампутации, 39-ый в этом печальном деле потерял также капитанов Гербера и Астэкса; последний приходился дядей тому молодому солдату, который был сражен возле меня в начале того же дня.

Несколько дней спустя, капитан аджудан Ру был награжден орденом Почетного Легиона; полковник представил его к награде, приписав: «Получил пулю в грудь». Эта пуля расплющила пуговицу на мундире Ру, и он отделался контузией; я бы тоже хотел бы получить пулю при таких же обстоятельствах и с такими же последствиями. Следует, конечно, добавить, что этот офицер вел себя очень храбро и по праву заслужил звезду смельчака на своей груди.

Последний штурм

7-го сентября, когда я выходил из штаба дивизии, меня задержал заместитель начальника штаба командующий Кольсон. Это был бывший соученик моего брата Жюля по лицею города Нанси. Он сообщил мне по секрету, что очередной штурм назначен на следующий день. Часть ночи я провел за написанием писем, самое длинное из которых было предназначено моим родителям на случай моей возможной смерти.

С раннего утра я отправился в госпиталь навестить Гремийе. Я пообещал сообщить ему важную новость при условии, что он в дальнейшем сделает вид, что ничего не слышал. Получив обещание и сообщив ему о штурме, я передал Гремийе свои письма на случай, если погибну. В отчаянии храбрый юноша порывался немедленно вернуться в часть, но я напомнил ему о его обещании, и он был вынужден смириться с участью хранителя моих писем.

8-го сентября к 10-ти часам утра полк направился к Колоколенке, месту сбора всей бригады. Генерал Бретон обратился к нам с мужественной речью, запретив любое движение в сторону отступления. Затем он повел нас на позиции, расположенные напротив Центрального и Мачтового бастионов. За несколько шагов до траншей, шедший рядом со мною, сержант Пеше был смертельно ранен неприятельской пулей.

Как только мы заняли траншеи, полковник послал меня на рекогносцировку того участка, откуда, убрав одну из корзин с землей, мой батальон должен был устремиться в атаку на Мачтовый бастион, отстоящий от нас на расстоянии сорока метров. Ввиду того, что я исполнял обязанности аджудана, у меня было много шансов расстаться с жизнью.

Мы ожидали сигнала к атаке, прислонившись спиной к стенке траншеи, обеспечивающей нам защиту от гранат и прочих снарядов, которые, описав параболу, обильно падали вокруг нас, не причиняя особого вреда; начали задаваться вопросом о нашем бездействии. Генерал Бретон, высунувший голову в амбразуру, с целью рассмотреть действия противника, был убит пулей на месте.

Несколько минут спустя мимо нас проследовал один из батальонов. Во главе штурмующих находился полковник, вслед за ним шел недавно познакомившийся со мною молодой и приятный младший лейтенант де ля Кондамин, выходец из Шампани. Его полк некоторое время назад прибыл из Франции. Они впервые участвовали в таком сражении и получили приказ идти на Мачтовый бастион. Я пожал руку молодому де ля Кондамину, пожелав ему удачи.

Больше я его уже не видел: пять минут спустя мимо нас в обратном направлении прошли несколько офицеров и солдат, спасшихся от побоища. За несколько минут полк потерял людей больше, чем 39-ый за всю Крымскую кампанию с самого ее начала. С тех пор я ничего не слышал о младшем лейтенанте, занесенном в списки погибших.

Мы ожидали приказа о возобновлении штурма, но цель атак с наших позиций носила отвлекающий характер; в это время основной удар наносился по башне Малахова кургана, ключа к Севастополю. Там дела принимали положительный оборот, поэтому было признано нецелесообразным идти на новые жертвы, атакуя бастионы, имеющие второстепенное значение.

Начиная с трех часов дня, огонь стал затихать. Мак-Магон овладел Малаховым курганом. Его предупредили о том, что все сооружения на кургане заминированы и что он сильно рискует взлететь на воздух. Всем известен его гордый ответ: «Здесь стою, здесь останусь».

Русские подвели электрические провода к пороховым погребам, расположенным в разных точках Малахова кургана. Благодаря Божественному провидению, инженерной службе удалось обнаружить эти кабели и предотвратить смертельную катастрофу.

В последующие дни из этих погребов было извлечено 40000 килограммов пороха; этого было более чем достаточно для того, чтобы, превратив в пыль Башню Малахова кургана, похоронить под ее обломками Мак-Магона и его людей. <...>

Со стороны Центрального и Мачтового бастионов осаждающие и осажденные прекратили боевые действия. Когда опустилась ночь, полковник послал меня оборудовать огневую точку в воронке от мины. Я оказался свидетелем страшной картины: пять или шесть изуродованных трупов и среди них один гренадер, сидящий на обломке камня с винтовкой между ног. Сквозь его грудь, пробитую снарядом большого калибра, виделись очертания пейзажа.

Ночь прошла довольно спокойно, не считая того, что перед наступлением темноты, выйдя из траншеи, чтобы забрать раненого, был смертельно ранен младший лейтенант Пусэн.

Его имя замыкает список офицеров 39-го батальона, убитых неприятелем в этой памятной кампании.

Утром следующего дня, получив приказ занять оставленный неприятелем Центральный бастион, капитан Парис в последнюю секунду в нескольких шагах от бастиона был остановлен сигналом горниста, протрубившего «отбой»: один русский пленный сообщил о том, что бастион заминирован и русские должны взорвать его. И, действительно, вскоре ужасный взрыв потряс весь бастион; пыль и обломки камней полетели в разные стороны. Со своей ротой вольтижеров я находился в шестидесяти метрах от места взрыва; мой младший лейтенант укрылся за мешок с песком, что не очень-то спасло его от падения на него балки и нескольких крупных камней. Что касается меня, то я остался на месте, следя глазами за тем, чтобы какой-нибудь летящий предмет не попал бы в меня, и в этом мне повезло.

К полудню мы получили приказ отойти от наших позиций, не подвергаясь при этом обстрелу ядрами, бомбами, картечью и пулями...

Какое облегчение!! <...>

К 15-му декабря 36-ой погрузился на суда в Камышовой бухте; я был очень рад возвращению во Францию. <...>

За время Крымской кампании 36-ой батальон потерял 18 офицеров (8 капитанов, 3 лейтенанта, 7 младших лейтенантов).

14 были убиты, а четверо умерли от холеры.